УДК 821.133.1-31 "18"

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-82-89

РАССКАЗ У. ПЕЙТЕРА «РЕБЁНОК В ДОМЕ»: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

Литвиненко Н. А., Лунина И. Е., Редина О. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи – проанализировать особенности поэтики рассказа Пейтера «Ребёнок в доме» (специфику повествования, памяти-восприятия автора и героев, традиции романтизма, импрессионистические элементы стиля писателя).

Процедура и методы исследования. В основе статьи – целостный историко-литературный анализ произведения с элементами культурологического и семиотического подходов.

Результаты проведённого исследования. Доказано программное значение произведения, автор которого, опираясь на философско-эстетическую мысль современников (Хайдеггера, Бергсона), предугадывал идеи модернизма, прустовскую поэтику поисков утраченного времени, создал новаторскую концепцию детства, становления эстетического сознания героя – человека искусства.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования расширяют и углубляют понимание творчества одного из крупнейших представителей английского эстетизма; могут быть использованы в лекционных курсах и практических занятиях в вузе при изучении истории зарубежной литературы второй половины XIX века.

Ключевые слова: Пейтер, эстетизм, красота, дом, детство, поэтика, воображение, память, романтизм

W. PATER'S STORY «THE CHILD IN THE HOUSE»: FEATURE OF POETICS

N. Litvinenko, I. Lunina, O. Redina

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

The purpose of the article is to analyze the features of the poetics of Pater's story "The Child in the house" (the specifics of the narrative, the memory-perception of the author and the characters, the traditions of romanticism, impressionistic elements of the writer's style).

Methodology and Approach. The article is based on a holistic historical and literary analysis of the work, with elements of cultural and semiotic approaches.

Results. The programmatic value of the work is proved, the author of which, following the philosophical and aesthetic thoughts of contemporaries (Heidegger, Bergson), foresaw the ideas of modernism, the Proust poetics of searching for lost time, created the innovative concept of childhood, the formation of the aesthetic conscience of the character - the Man of Art.

Theoretical and / or Practical Implications. The results of the study expand and deepen the understanding of the work of one of the most significant representatives of English aestheticism; it can be used in lecture courses and practical classes in the University curriculum in foreign literature of the second half of the 19th century.

Keywords: Pater, aestheticism, beauty, house, childhood, poetics, imagination, memory, romanticism

ВВЕДЕНИЕ

Уолтер Пейтер, автор романов, сборника рассказов, новелл, литературно-художественных эссе, портретов, создатель мифа о вечном Ренессансе, был одним из духовных отцов английского эстетизма – комплекса идей и представлений, получивших обоснование и воплощение в трудах многих писателей, философов, художников, искусствоведов второй половины XIX – начала XX века [3]. Сыгравшие весомую роль в развитии английской литературы, философско-эстетические идеи, труды, романы Пейтера в глазах исследователей оттеснили на второй план небольшой рассказ «Ребёнок в доме», занимающий, однако, особое место в наследии писателя. Он своеобразно воплощает обширный комплекс программных идей писателя, особенности его художественно-аналитического мышления. В рамках небольшой статьи мы затронем некоторые аспекты поэтики и проблематики этого рассказа.

Рассказ, вошедший в сборник новелл «Воображаемые портреты» («*Imaginary Portraits. 1. The Child in the House*»)¹, задуманный как начало книги, был опубликован в 1878 г. в журнале «*Macmillan's Magazine*»², входил в более поздние и полные её издания (первое датируют 1894 г., *Imaginary Portraits*), содержавшие литературные портреты живописцев Возрождения.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ РАССКАЗА У. ПЕЙТЕРА

На поэтику рассказа «Ребёнок в доме» оказала влияние сложившаяся к этому времени в творчестве Пейтера эстетическая концепция искусства Возрождения (W. Pater. «*The Renaissance: Studies in Art and Poetry*», 1877) и романтизма («*Romanticism*», 1876). Писатель-искусствовед, он рассма-

тривал романтизм, как и Ренессанс, в качестве универсально трактуемого типа творчества, темперамента и художественного сознания. Он видел в нём восходящую к античности центробежную силу, проявляющую себя в стремлении к красоте, обновлению и творческой свободе, в бесконечной игре воображения, восхищающей яркостью и цветом, «неустойчивой универсальностью», изменчивой формой, полагая, что она способствует развитию личности. Эти свойства характеризуют мышление автора рассказа.

«Ребёнок в доме» близок к романтическому двуголосию, скрытому диалогизму заложенных в произведении смыслов. Субъект – объект повествования представлены двумя образами-персонажами: первый – в качестве рефлектирующего, осмысливающего жизненные впечатления повествователя, второй – ребёнок, наделён присущим возрасту синкретизмом мышления и обострённым чувством красоты. Писатель сосредоточивает внимание на психологии восприятия мира героем-ребёнком, делая её предметом изображения повествователя-аналитика, осмысливающего психологические итоги того жизненного опыта, через который прошёл в детстве герой. Тридцатилетняя дистанция определяет преемственность, некую двойственность в изображении этого опыта, но не духовный разрыв между повествователем и героем.

Фабула произведения, на первый взгляд, незамысловата. Пейтер обращается к теме детства, мироощущения ребёнка, покидающего родной дом, обострённо переживающего и расставание с прошлым, и ожидание будущего; к раннему этапу взросления персонажа, к импульсам, впечатлениям, событиям, определившим формирование его внутреннего мира. Это утраченное время, всматриваясь в которое повествователь распознаёт, угадывает, воссоздаёт прошлое, это его «пирожное мадлен», которое погружает его, ставшего взрослым, и читателя в тайны и поэзию детства, погружает естественно и органично, без каких-либо усилий над собой и своей памятью.

¹ Впервые в русском переводе П. Муратова рассказ был опубликован в 1908 г.

² Пейтер У. Воображаемые портреты. Ребенок в доме; пер. с англ. и вступит. ст. П. П. Муратова. М.: Издательство В. М. Саблина, 1908. 203 с. IX.

Это тот мир, который был скрыт и внезапно ожил в сознании взрослого героя. Время-пространство этого мира конструирует аналитик-повествователь, память повествователя-героя. Издание 1896 г. содержало эпиграф из Джорджа Элиота: «Наша надежда на самое лучшее – это самое прекрасное воспоминание» (*Our finest hope is finest memory*). Писатель как бы подхватывает высказанный автором поэмы «A Minor Prophet» мотив-противопоставление: молодости, с её надеждами на любовь и счастье, – и зрелых душ (*full souls*), которые, подобно «двойным зеркалам», создают бесконечную перспективу взаимотражений. Контекстом осмысления этого мотива в обоих произведениях – и у Джорджа Элиота, и у Пейтера становится человеческая жизнь, её полнота и совершенство.

Начало рассказа «Ребёнок в доме» перекликается с сюжетным зачином романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802). Герой Пейтера встречает путника, рассказ которого пробуждает в его сознании идеальные образы, память о местах, в которых проходило его детство, и само детство, всё пронизанное ощущением бесконечной красоты мира и – порой (у Пейтера) – скрытой угрозы, которая даёт о себе знать событиями, оставившими след в душе героя. Как и Генрих, вначале он погружён в сладостный поэтический сон. У Пейтера это в то же время аналитически отрефлектированный образ, в котором «неразрывно» связаны между собой ребёнок, сад, дом – и сон. В нём «внутреннее и внешне сплеталось друг с другом»: наполовину оттенков и случайный след цвета и формы, дерева и кирпичей, – наполовину – душевная ткань (*soul-stuff*), возникающая неизвестно откуда¹. Дом, сад, ребёнок, ветры, туман – отправные знаки, образы «мысленного путешествия» (*mental journey*) героя².

Детализация и конкретность служат импульсом, рождающим поэтические со-

звучия: «Ребёнок, о котором я пишу, не испытывал ненависти к туману из-за алых огней, падавших иногда из него на трубу, и белых бликов, которые сверкали в его просветах летним утром, на башенках или мостовых»³. Идеальное в этом мире, как и у Новалиса, сопряжено с особенностями восприятия повествователя, спецификой поэтического видения мира каждым из персонажей – и Генрихом-Новалисом, и Флорианом, имя которого (*Florian Deleal*), как и французское происхождение героя, создаёт иллюзию нетождества автора и героя и расширяет пласт эстетических аллюзий⁴. Пейтер, подобно Новалису, подчёркивает символику воплощённого в персонаже эстетического опыта становления человека искусства, будущего художника, – не по профессии, а по типу восприятия и сознания. Повествователь подчёркивает обобщающий смысл своих наблюдений, поскольку речь идёт уже не только о герое, но и об истории формирования сознания и духовного мира «каждого из нас»: (*story of his spirit in that process of brain-building by which we are each one of us, what we are*)⁵.

В Флориане нет той подростковой мятежности, которой была окрашена ранняя юность Рене, героя романтика Шатобриана, но есть предощущение и ощущение безмерного, неисчерпаемого, как окружающий мир, счастья, наслаждения прекрасным, которое свойственно герою Новалиса, его грёзе о голубом цветке. Это тот идиллический топос, который порождает экстаз, по которому испытывает

³ Pater W. *The Child in the House. An imaginary portrait*. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 14.

⁴ Они связаны не только с эпиграфом, принадлежащим перу Джорджа Элиота, но и с латинской семантикой имени Флориэля (*Florianus* – расцветающий, цветущий), окружённого мифическим ореолом святости и христианского мученичества, и с Жаком Делилем (*Jacques Delille*), автором «*Les jardins, ou l'art d'embellir les paysages*» (1782), «*L'Homme des champs ou les Géorgiques françaises*» (1800). Перекличка возникает и с поэтом-современником Пейтера – одним из представителей французского эстетизма, создателем «Парнаса» – Леконтом де Лилем (*Leconte de Lisle*).

⁵ Pater W. *The Child in the House. An imaginary portrait*. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 10–11.

¹ Pater W. *The Child in the House. An imaginary portrait*. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 14.

² Там же. Рр. 14.

ностальгию романтический – и пейтеровский – герой.

Автор наделяет повествователя и ребёнка восприятием глубоко индивидуальным, хотя и восходящим в широком смысле к романтическому архетипу становления художника, поэта, человека искусства. Подобно Новалису, Пейтер окрашивает изображение мифологическим светом; внешний мир – только исходное пространство, и становление героя – погружение в чувство прекрасного, его духовная инициация происходит из этого реально и объективно существующего «корня», вне календарного времени, в процессе естественного развития, восприятия и освоения им окружающего мира. Естественное и природное совпадают, сливаясь с эстетическим в ощущении потока жизни, красоты мира, увиденной глазами писателя-психолога, в совершенстве владеющего тайнами мастерства [7].

Гарольд Блум, полагавший, что В. Вулф относилась к Пейтеру как к «тайному эталону», цитирует строки из «Своей комнаты» («*A Room of One's Own*», 1929), которые близки по смыслу к окрашенному платонизмом пейтеровскому пониманию соотношения природы и искусства. «Может быть, в приливе безудержной фантазии (природа) лишь обозначила на стенах нашего ума симпатическими чернилами некое предчувствие, подтверждаемое великими художниками, некий набросок, который нужно поднести к пламени гения, чтобы он проявился», – пишет В. Вулф [2, с. 504]. У Пейтера предчувствие воплощено в окрашенных тонах и полутонах впечатлений детства, в насыщенной деталями и картинами, трепетной красоте окружающего мира.

Центральным архетипом, образом, стягивающим лучи памяти и воображения в фокус, становится дом, в котором живет герой. Он наделён духовной субстанцией (*half-spiritualised house*), на равных соседствует в заглавии рассказа с ребёнком и почти совпадает с его образом ребёнка, они пребывают в эстетическом сродстве. Каждый обладает своей экзистенциальной

природой, в то же время «старый дом» – сущностная основа, формирующая жизненный горизонт восприятия, будущих духовных «странствий» героя. Образ дома не обладает социальной семантикой, его природа онтологична, она угадываема и созидается памятью-воображением писателя.

Пейтер вводит аналитическое, внесоциальное обоснование рождающемуся в детстве чувству красоты (*sense of beauty*), не связывает его возникновения с изысканностью окружающих ребёнка вещей, которые, полагает он, могут оказывать воздействие в более поздние годы¹. Писатель использует аргумент, основывающийся на философии гедонизма, связывает чувство красоты с бессознательным началом – наслаждением, которое испытывал герой: «он был обязан этому месту многими оттенками чувств, впоследствии ставших привычными, неким внутренним светом», благодаря которому вещи «наиболее естественно ему представлялись»². Источник чувства красоты писатель находит в детском взгляде «внутрь себя»: ребёнок «с беспредельным наслаждением находит различные оттенки своего чувства и в тех белых и розоватых отсветах, которые ложатся сквозь дым на обыкновенные домашние постройки, и в золоте одуванчиков, растущих у самых стен, где всё истоптано, если нет лучших помощников в его поисках красоты»³. Поэтому так значимы в новелле Пейтера описания, детали, метафорические, символические, всегда приоткрывающие на мгновение тайны жизни, окрашенные поэзией и лиризмом, как и в процитированном фрагменте, где «сочетаются» оттенки, отсветы с одуванчиками, растущими у самых стен.

Дом предстаёт как некий универсум, в его образ входят путники, идущие в город, тени на улицах, особенное освещение предметов, дыхание садов, уныние непогоды, праздничность «хороших дней», гра-

¹ Pater W. The Child in the House. An imaginary portrait. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 15.

² Там же. Рр. 15.

³ Там же. Рр. 15.

вьюры Библии, прохлада тёмных, похожих на пещеры лавок, винтовые лестницы, что уходят к голубям и колоколам. Всё это – мерцающая реальность. Она повергала героя в задумчивость, в которой повествователь угадывает формирование у ребёнка не только чувства гармонии, красоты, но и особенного склада ума.

С романтической традицией, которая восходит не только к Новалису, но и к высоко ценимому писателем Вордсворту¹, связана поэтизация быта, элементов обыденного, окрашивающая «волшебным светом» и «трепетом счастья» пробуждающееся от сна сознание юного героя. В бытовых деталях и подробностях нет иронии, отвергающей быт и обыденное как начало, несовместимое с беспредельными тайнами романтической души. Эти стороны «обыденной» действительности, как у автора «Лирических баллад» и предисловия ко второму их изданию (1800), являются гранями поэтического видения, которое в рассказе Пейтера «внезапно преобразует тривиальную вещь». Эти реалии, знаки и образы становятся частью той эстетической идиллии, которую прорисовывает автор. Оттенки и знаки, составляющие её, всегда полисемантичны, входят в целостный космос рисуемого мира детской души. Можно согласиться с одним из ранних исследователей творчества писателя: «Является ли Пейтер простым и величественным или сложным и замысловатым, он всегда видит всё в контрасте. Его цель в том, чтобы сделать каждую деталь весомой, наполненной музыкой, населённой эхом, которое должно очаровать и внушать скорее, чем убеждать или устанавливать факты» [4, р. 214]. Суггестивная семантика поэтических образов, создаваемых писателем, действительно, рождает эхо музыкальных, эстетических созвучий. При этом «реальность мерцает и колеблется от каждого нового представления и ощущения» [2, с. 501].

Писатель связывает с чувством красоты формирование в герое «постоянной склон-

ности к особому роду порядочности и благородства» (*pervading preference in himself for a kind of comeliness and dignity*)². Прекрасное в рассказе Пейтера пробуждает нравственно-этическое начало в душе героя, способность любить и страдать. Ребёнок испытывает отчаяние, боль и «безумную тоску» по умершему в далёкой Индии отцу, по забытой в клетке птице, по покидаемому и покинутому дому. Писатель отмечает единство этих начал в своём герое без той программной настойчивости, которая характеризовала этическую позицию и труды его современника Рескина.

Современный французский учёный, интерпретируя в русле психоанализа литературные портреты Пейтера (Мериме, Ч. Лэма, Вордсворта, Кольриджа, Россетти), отмечает: понятие «душа», хотя и довольно размытое, как и у его современников, у Пейтера приобретает особый смысл, оно выражает «интимность предмета, которую язык не может выразить» [8, р. 94]. Интимность чувств в рассказе писателя составляет сущность эстетически переживаемого героем опыта, а понятие души включает представление о становлении духовного мира героя, о складе (структуре) его сознания и ума (*texture of his mind*)³.

Эволюция героя Пейтера мыслится писателем как постепенное расширение сознания, обогащение души⁴ (*the gradual expansion of soul*). Предметный мир, красота природы, взгляд внутрь, чувствительность – источники этого процесса. Душа Флориана – это огромный животворящий мир, в котором есть «пушинки и соломинки», но и горькие размышления о конечности жизни, в ней скрыто глубокое чувство сострадания – к нарисованной художником Давидом со связанными руками Марии-Антуанетте, к умирающей кошке, к заключённой в клетку птице, которую кличут птенцы, – к «самым несчастным и

¹ Pater W. The Child in the House. An imaginary portrait. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, 47 p.

² Pater W. The Child in the House. An imaginary portrait. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 16.

³ Pater W. The Child in the House. An imaginary portrait. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 16.

⁴ Там же. Pp. 11.

бедным на земле», которым желал он «прекраснейших роз» и беззаботного наслаждения жизнью. Этическое осмысливается Пейтером как органическая часть эстетического, христиански окрашенного опыта духовного становления героя.

Автор владеет арсеналом импрессионистической, суггестивной образности, передаёт текучесть, мерцание, оттенки окружающего природного мира как живописец, лирик, поэт, но и как философ, аналитик, размышляющий о смысле своей жизни, жизни ребёнка, жизни как таковой. Начала внешние и внутренние переплетаются, сливаются, субъективный опыт приобретает обобщающий философско-эстетический смысл.

Пейтер «предугадывает» манеру Пруста, повествователь и герой которого на протяжении многотомной эпопеи погружены в поиски «утраченного времени». Подобно Пейтеру, Пруст будет стремиться «вырваться за рамки формы, запаха или цвета», пытаясь понять, что скрывалось за ними, расшифровать знаки памяти. Пейтер, рисуя «остров детства», ставит своей целью воссоздать и осмыслить его эстетическую семантику, скрытую в нём музыку жизни. Подобно многим романтикам, Пейтер считал, что «все искусство постоянно стремится к состоянию музыки» (*All art constantly aspires towards the condition of music*), – в его интерпретации – «темперированного потока» (Ю. А. Макарецкая [3]), поскольку она «объединяет материю и форму»¹. И потому писатель так внимателен к оттенкам, к трансформациям цвета и звука. Он создаёт свой «золотой миф», утопию-идиллию, в центре которой – прекрасный и почти фантастический дом и сад как части природного мира, Эдема, который сформировал героя, который грезится ему и который живёт в нём. К этому архетипу позднее обратится писатель-фантаст Г. Уэллс в рассказе «Дверь в стене» (1911), а также В. Вулф в «Королевском саде» (1919).

Однако в глубине этого Эдема скрыт таинственный и мучительный сплав тревоги и надежды, поэзии и страдания, жизни – и близко-далеко маячащей на горизонте или почти за горизонтом смерти. В отличие от Новалиса, погружающего читателя в лирический миф вечных превращений, Пейтер создаёт пространство, в котором скрыто необратимо трагическое начало, в котором есть трещина, вновь и вновь дающая о себе знать, разрушающая гармонию жизни ребёнка. В своём понимании времени Пейтер отчасти близок к Хайдеггеру, у которого бытие мыслится как «бытие-к-смерти». Ребёнок постигает бытие в остро переживаемых «событиях смерти», в извести о смерти отца, в размышлениях возле вырытой детской могилы, это страх смерти, ужас перед смертью, который навсегда поселится в нём.

Пейтер угадывает особую роль этой темы в литературе модернизма [3], в рассказе она становится подтекстово центральной, и всё-таки она – только некое предвестие, окружённое природным цветением, роскошью природного мира. В поэтике, стилистике произведения господствует другое представление о времени, восходящее к Бергсону, – протяжённости, длительности, постоянной изменчивости. Писатель обнажает не только сходство видимых и воображаемых элементов бытия, но и те различия, которые «таятся под маской тождественного». «Они там, где мы их не можем даже заподозрить – между восприятием и воспоминанием» [1], – пишет современный философ О. Аронсон, интерпретируя концепцию времени автора «Матери и памяти» (1896). В рассказе Пейтера время тождественно движению мысли, оно соединяет в своём живом потоке различные грани восприятия-воспоминания героев, множественные смыслы, которые открывает читателю проза утончённая, «полная цвета и мелодии, серьёзная, изысканная...» [4, р. 214].

Пейтер завершает повествование мотивом, традиционным для жанра романа воспитания и становления героя, – мотивом дороги, по которой герой устремляет-

¹ Walter Pater // Wikipedia (wikipedia.org) [Электронный ресурс]. URL: [wiki/Walter_Pater](https://ru.wikipedia.org/wiki/Walter_Pater) (дата обращения: 26.12.2019).

ся во взрослую жизнь. Открытый финал углубляет ощущение распахнутого перед героем и читателем горизонта – будущего, в которое он уносит свои надежды и свою боль.

В лиро-эпическом, импрессионистически окрашенном рассказе «аналитик своего века», создатель теории английского эстетизма, Пейтер воплощает свои представления об искусстве и красоте [5]. Генри Джеймс не вполне оправданно называл Уолтера Пейтера «маской без лица» [6, р. 228], поскольку за маской вполне различим автор. Художественная достоверность и глубина переживания, лирическое начало придают сюжету и персонажам рассказа автобиографический смысл. Это тот автобиографизм, в основе которого, как часто было у романтиков, не столько фактографическая, сколько духовная близость автора и лирического героя. Правы исследователи, которые считают, что за персонажами повествования Пейтера стоит его собственная личность-загадка [5]. Отсутствие подтверждающих документов побудило критиков интерпретировать его вымышленные произведения как фрагменты автобиографии (Донахью (Donoghue), Монсман (Monsman) и др.),

– однако при ближайшем рассмотрении, полагает современный литературовед, оказывается, что они воплощают его идеальное я; это яркие маски, за которыми он прячется, наиболее точно определяемые его собственными словами как «иллюзорное, непостижимое, загадочное я» («the illusive, inscrutable, mistakable self») [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассказе «Ребёнок в доме» «реальное» находит воплощение в маске идеального. Скрывающееся за нею «подлинное» проступает в лирической и эстетической обрзанности – в феномене красоты как истины, формирующей целостность и единство внутреннего мира героя. Писатель соединил жанровые модусы новеллы, рассказа, эссе и даже поэмы, особым образом диалогизировал реальность воображаемую, «вспомненную» – и фактографическую, претендующую едва ли не на исповедальную достоверность. Романтические традиции во многом определили преемственную связь и новаторские трансформации программных принципов эстетики в рассказе Пейтера.

Статья поступила в редакцию 15.01.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронсон О. Этика времени у Мамардашвили [Электронный ресурс]. URL: <https://mamardashvili.com/ru/merab-mamardashvili/opyty-chteniya/oleg-arons-on/etika-vremeni-u-mamardashvili> (дата обращения: 23.12.2019).
2. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времён. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 669 с.
3. Макарецкая Ю. А. Проблема эстетизма в творчестве У. Пейтера: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 145 с.
4. Benson A. C. Walter Pater. University press of the Pacific Honolulu, Hawaii, 2002 (Reprinted from the 1911), pp. 214.
5. Coste Bénédicte. Cette époque de doute: Walter Pater et la question de la croyance, Presses universitaires de la Méditerranée, collection «Present Perfect», 2017. EAN13: 9782367812519. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fabula.org/actualites/benedicte-coste-cette-epoque-de-doute-walter-pater-et-la-question-de-la-croyance_81707.php (дата обращения: 23.12.2019).
6. Hext Kate. The Victorian Web. Centre for Research in Victorian Studies, School of English University of Exeter. P. 228. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/pater/bio.html> (дата обращения: 20.12.2019).
7. Moran M. Walter Pater's. House Beautiful and the Psychology of Self-Culture. In: English Literature in Transition, 1880-1920. Vol. 50. Issue 3. 2007, pp. 291 [Электронный ресурс]. URL: <http://connection.ebscohost.com/c/literary-criticism/26466274/walter-paters-house-beautiful-psychology-self-culture> (дата обращения: 22.12.2019).
8. Roussillon-Constanty Laurence. Au bonheur des mots. In: Acta fabula, vol. 11, no. 10, Notes de lecture. Novembre-Décembre, 2010, pp. 94 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/acta/document6012.php>. (дата обращения: 25.12.2019).

REFERENCES

1. Aronson O. *Etika vremeni u Mamardashvili* [Ethics of time from Mamardashvili]. Available at: <https://mamardashvili.com/ru/merab-mamardashvili/opyty-chteniya/oleg-arons-on/etika-vremeni-u-mamardashvili> (accessed: 23.12.2019).
2. Blum G. *Zapadnyi kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon. The books and school of the ages]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 669 p.
3. Makartetskaya Yu. A. *Problema estetizma v tvorchestve W. Patera: dis. ... kand. filol. nauk* [The problem of aestheticism in the works of William Pater: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2019. 145 p.
4. Benson A. C. *Walter Pater*. University press of the Pacific Honolulu, Hawaii, 2002 (Reprinted from the 1911), pp. 214.
5. Coste Bénédicte. Cette époque de doute: Walter Pater et la question de la croyance, Presses universitaires de la Méditerranée, collection «Present Perfect», 2017. EAN13: 9782367812519. Available at: HYPERLINK "https://www.fabula.org/actualites/benedicte-coste-cette-epoque-de-doute-walter-pater-et-la-question-de-la-croyance_81707.php" https://www.fabula.org/actualites/benedicte-coste-cette-epoque-de-doute-walter-pater-et-la-question-de-la-croyance_81707.php (accessed: 23.12.2019).
6. Hext Kate. The Victorian Web. Centre for Research in Victorian Studies, School of English University of Exeter. P. 228. Available at: HYPERLINK "<http://www.victorianweb.org/authors/pater/bio.html>" <http://www.victorianweb.org/authors/pater/bio.html> (accessed: 20.12.2019).
7. Moran M. Walter Pater's. House Beautiful and the Psychology of Self-Culture. In: English Literature in Transition, 1880-1920. Vol. 50. Issue 3. 2007, pp. 291. Available at: <http://connection.ebscohost.com/c/literary-criticism/26466274/walter-paters-house-beautiful-psychology-self-culture> <http://connection.ebscohost.com/c/literary-criticism/26466274/walter-paters-house-beautiful-psychology-self-culture> (accessed: 22.12.2019).
8. Roussillon-Constanty Laurence. Au bonheur des mots. In: Acta fabula, vol. 11, no. 10, Notes de lecture. Novembre-Décembre, 2010, pp. 94. Available at: <http://www.fabula.org/acta/document6012.php>. (accessed: 25.12.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru;

Лунина Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: lounir_odin@mail.ru;

Редина Ольга Николаевна – профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: olgaredina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ninel A. Litvinenko – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru;

Irina E. Lounina – Doctor in Philological Sciences, Professor, the Head at the Department of history of foreign literature, Moscow Region State University;
e-mail: lounir_odin@mail.ru;

Olga N. Redina – professor at the Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: olgaredina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Литвиненко Н. А., Лунина И. Е., Редина О. Н. Рассказ У. Пейтера «Ребёнок в доме»: особенности поэтики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 82–89.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-82-89

FOR CITATION

Litvinenko N. A., Lounina I. E. Redina O. N. W. Pater's Story «The Child in the House»: Feature of Poetics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 2. pp. 82–89.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-82-89